

УЧАСТИЕ СЛОВАКОВ В ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНАХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе официальных документов и мемуаров участников событий показана роль словаков в формировании чехословацкой добровольческой армии и ее попытках помочь России и союзникам по Антанте на завершающем этапе Первой мировой войны. Особое место уделено участию чехословацкой бригады в битве при Зборове и сибирской миссии словацкого генерала Р. Штефанека.

Ключевые слова: чехословацкий легион, отделение чехословацкого национального совета в России, чехословацкая бригада, битва при Зборове, Р. Штефанек.

В начальной фазе формирования добровольческого чешско-словацкого войска на территории воюющей России в его рядах было относительно мало словаков. Началом процесса формирования чешско-словацких военных частей в России стало создание военного подразделения «Чешская дружина». Оно возникло в Киеве с одобрения русского военного министерства 12 августа 1914 г., после аудиенции у царя делегатов Благотворительного и просветительного общества Я. А. Коменского. В Чешскую дружину могли быть приняты только те словаки и чехи, которые подали просьбы о получении российского подданства, а командирами в дружине были русские. Рост числа чешских и словацких военнопленных в России привел руководство Союза чешско-словацких обществ к мысли об образовании чешско-словацкого военного формирования, за что высказался и первый съезд этого Союза. Переговоры Союза с российским правительством о разрешении сформировать войско из пленных чехов и словаков были затяжными. Россия в это время еще не ощущала недостатка в солдатах и ее интерес к программным требованиям чешских и словацких политических деятелей мог вызвать непредвиденные осложнения с западными союзниками. Несмотря на множество трудностей с набором военнопленных, Чешская дружина постепенно разрасталась и в начале 1916 г. была реформирована в Чешско-словацкий стрелковый полк, который спустя несколько месяцев вырос в Чешско-словацкую стрелковую бригаду.

Ситуация изменилась с появлением большого числа пленных словаков – бывших военнослужащих австро-венгерской армии. Между тем, агитация среди словацких пленных за вступление в добровольческое войско была нелегкой задачей, так как многие из них находились под сильным влиянием венгерских и австрийских командиров. О своеобразном подходе словацких военнопленных к идее чешско-словацкого единства, о различном уровне национального самосознания чехов и словаков писал словацкий легионер Имрих Чехович: «Для словака вступление в чешско-словацкую добровольческую армию требовало по-настоящему глубоких размышлений и полного душевного перерождения. Мало было таких словаков, которые, идя на войну, осознавали, что судьба их приговорила к тому, чтобы они в братоубийственной войне осквернили свое национальное чувство. Большинство

этого не понимало вообще и шло на войну по приказу и безропотно. Национальное самосознание словаков формировалось главным образом под воздействием чехов» [12, с. 36]. Причин, по которым в чешско-словацкое войско вступало относительно мало пленных словаков, было много. Это и разобщенность национального движения, представленного различными союзами, которые не имели общих, понятных для всех интересов. Разумеется, были и вполне прозаические причины, по которым словаки не вступали в войско, например, страх или же отсутствие интереса к политическим делам. Легионер Штефан Майтан так вспоминал о приходе эмиссара: «Пришел к нам эмиссар чешско-словацкого войска. Некоторые из нас были очень обрадованы, другие пришли его послушать из любопытства. В войско никому не хотелось, так как звал нас обычный солдат-стрелок, который не обещал наград, но требовал действий из любви к народу и для его свободы» [там же].

В процесс организации добровольческого войска в России вмешалась Февральская революция. Неожиданное падение самодержавия и неоправдавшиеся надежды на восстановление монархии привели к тому, что приоритетной стала поддержка Временного правительства. Командование чехословацких полков использовало революционные настроения для усиления национального чувства и повышения боевого духа войск. Была проведена присяга войска Временному правительству в России, парижскому Чехословацкому национальному совету и лично Т. Г. Масарику. Парижский национальный совет при этом рассматривали как правительство будущего государства, форму и границы которого предстояло определить мирной конференции. Наиболее опасным для чехословацкого сопротивления последствием Февральской революции была идея большевиков о заключении мира и выходе из войны. На так называемом Государственном совещании в Москве присутствовал и представитель Отделения ЧСНС доктор В. Гирса. В своем приветственном слове он от имени чехов и словаков всего мира выразил полное доверие Временному правительству и резко выступил против всех, кто хотел закончить войну и заключить мир [2]. С опаской были восприняты и попытки создать в армии так называемые комитеты, которые должны были обеспечить контроль солдат над действиями офицерского корпуса. Это было не только неприемлемо, но и неосуществимо в условиях чехословацкого войска, которое, к счастью, находилось далеко от Петрограда, и эхо революционных перемен там не было слишком сильным.

Влияние Февральской революции сказалось также и на чешских и словацких пленных, которые контактировали с местным революционизированным населением, организованным в большевистской партии. Поэтому Отделение Чехословацкого национального совета (ОЧСНС) в России предостерегало от организации по партийному принципу и призывало к нейтралитету в отношении внутренних российских дел [1]. Усиление левых, коммунистических, лозунгов влияло и на завершение процесса формирования Чехословацкой социал-демократической рабочей партии в России, руководство которой признавало ведущую позицию ОЧСНС, но значительно с ним расходилось по основным пунктам программы (сотрудничество с российскими социал-демократами, продолжение мировой революции и после войны и т. д.). «Война пропаганд» происходила, как правило, в основном на страницах журналов.

Летом 1917 года командование чехословацкого войска и ОЧСНС предложили Временному правительству помощь, чтобы добиться разрешения на формирование дополнительных полков. Поначалу Временное правительство не отнеслось

благосклонно к этой идее и не разрешило формирование дополнительных подразделений. Но при этом оно выразило согласие с договоренностью между Масариком и французским министром А. Тома направить 30 тыс. чешских и словацких пленных на оборонительные работы во Францию. Позиция правительства изменилась после наступления войск Временного правительства в июле 1917 г., в котором принимала участие и чехословацкая бригада в районе Зборова. Своей стойкостью они заслужили признание и разрешение на формирование дополнительных полков из чешских и словацких пленных.

Количество словаков в движении сопротивления было небольшим. Принципиально важным было найти подход к пленным словакам, чтобы побудить их вступать в чехословацкое войско. Именно в этом вопросе возникли разногласия между киевским руководством Союза и теми, кто знал настроения словацких пленных. Киевское руководство союза придерживалось точки зрения необходимости освобождения пленных с обязательством воинской повинности. Это означало, что каждый, кто освобождался из плена и получал так называемый «чехословацкий паспорт», должен был взять на себя обязательство вступить в чехословацкое войско. По мнению председателя Союза В. Вондрака, тот, кто согласится с этим, тот «настоящий Чех и Словак», а кто не согласится – немец или мадьяр. Это называлось «добровольным» набором, так как воинскую обязанность добровольно принимали те, кто хотел быть освобожденным [6, с. 89]. Секретарь ОЧСНС Иван Маркович не хотел судить, насколько эта теория была верна по отношению к чехам (бывшие чешские пленные якобы вступали в армию из искреннего патриотизма) [4, с. 58], но не был согласен с ней применительно к словакам. Словаки в большинстве своем были в таком расположении духа, что было неправильным сразу идти к ним с обязательством воинской повинности, даже и ценой освобождения. Маркович утверждает, что их нужно было сначала «пробудить», научить, взбодрить, привлечь, нужно было наполнить их человеческим и национальным достоинством и только потом говорить о воинской повинности. Но для того чтобы поднять словацких пленных на такую ступень общечеловеческого и национального сознания, которая вела бы к решению вступить в армию, нужно было прежде всего вытащить их из лагерей для военнопленных, где они были перемешаны с мадьярами и немцами. Впоследствии Маркович упоминает, что знал многих среди словаков, которых время и правильная тактика сделали чехословацкими добровольцами. Именно поэтому он был не согласен с киевским руководством союза, которое хотело провозгласить их мадьярами в том случае, если они немедленно не вступят в чехословацкую армию [6, с. 90].

Освобождению пленных (в том числе и словацких) в значительной степени способствовала Октябрьская революция. Благодаря ее влиянию, активной пропаганде, наряду с чешскими, и словацких эмиссаров, к началу 1918 г. количество словацких добровольцев в России увеличилось. Но уже летом 1917 года, когда эта тенденция стала очевидной, возник вопрос, следует ли их включать непосредственно во вновь формирующиеся полки, или формировать из них отдельные словацкие части. По этому поводу в сентябре 1917 года состоялось совещание в Киеве. Приверженцы этой точки зрения обосновывали свое мнение тем, что если словаки будут вместе, то сблизятся между собой и будут интенсивнее привлекать тех, кто еще не с ними. Словацкие подразделения, таким образом, нагляднее демонстрировали бы свою неудовлетворенность политикой Венгрии. Высказы-

вались мысли о том, что в Словакию нужно вступить всем вместе. Те, кто не был согласен с этой концепцией, указывали на организационные сложности, на то, что неправильно будет вырывать словаков из тех частей, к которым они привыкли. В совместных частях словаки будут испытывать благоприятное влияние чехов. Словацких добровольцев было все же относительно мало, и их концентрация сделала бы это заметным и позволила бы неприятелю утверждать, что словаки в массе своей не участвуют в большинстве акций [6, s. 91]. В конечном итоге было решено, что словаки, которые уже зачислены в отдельные части, останутся по преимуществу в них, но при этом оставшееся большое количество словаков было записано в 7-й полк, который именно поэтому получил название Татранского. Но и там действовал принцип, что соотношение чехов и словаков должно быть 1 : 2. В 1918 году количество словацких добровольцев возросло примерно на две тысячи. Они были сосредоточены главным образом в 12 полку имени Штефаника.

В Сибири приказом Отделения Чехословацкого национального совета от августа 1918 г. [11, s. 84] предписывалось военным и гражданским пленным чехословацкой национальности производить работы и службы для чехословацкой армии в России. Постановлением Отделения в это же время был учрежден в Иркутске воспитательный лагерь для пленных словаков, командиром которого стал словацкий офицер Эмил Герик, а его заместителем – Владимир Дакснер. Были назначены также 22 инструктора-воспитателя из числа словацких офицеров и добровольцев.

Не все, оказавшиеся в этом лагере, решили вступить в чехословацкое войско. Около тысячи из них вернулись как мобилизованные граждане, а не как легионеры [6, s. 92].

Чехословацкая бригада в битве при Зборове

Военный министр Временного правительства А. Ф. Керенский поначалу думал о роспуске чехословацкого войска. Лишь после того, как приехавший Т. Г. Масарик переубедил его, Керенский отменил приказ о роспуске бригады [11, s. 92]. Вскоре на съезде делегатов полков и дивизий Юго-Западного фронта 27 мая 1917 г. он уже призывал к большому наступлению и имел успех. Съезд постановил сформировать ударные отряды добровольцев. Делегаты первой роты Первого чехословацкого стрелкового полка, среди которых был и довоенный антимилитарист Богущ Аусобски, были приняты Керенским и генералом Брусиловым. Те предложили соединить чехословацкую бригаду с тактическим подразделением, которое в наступлении выполняло бы задачу ударного отряда [9, s. 247].

Наступление должны были осуществлять 7-я, 8-я и 11-я русские армии, т. е. необычайно широкая группировка войск. Главная задача возлагалась на 7-ю армию, которая должна была обеспечить широкий прорыв в районе Березани. По первоначальному и несколько хаотически подготовленному плану в операциях 7-й армии должна была участвовать и Чехословацкая стрелковая бригада в качестве ударного отряда. Более поздний приказ это отменил и передал бригаду 11-й армии, конкретно 49-му армейскому корпусу генерала Селичева. Очевидно, это было результатом вмешательства командира бригады полковника Троянова. Он опасался, что бригада представляет собой не монолитное, а достаточно разнородное соединение, подразделения которого не имеют достаточного опыта в наступательных боях. Кроме того, он подчеркнул, что вооружение чехословацкой бригады

недостаточно и не соответствует стандартам [10, s. 99]. В конце концов бригаде была поставлена задача в районе украинского местечка Зборов, где решающий удар должны были наносить на северном фланге 4-я, а на южном – 6-я финские дивизии (резерв составляла 82-я дивизия) [11, s. 94]. Чехословацкая бригада, которая размещалась между ними, должна была перейти в наступление только в том случае, если операция 4-й дивизии будет успешной [4, s. 56]. Она должна была занять участок шириной 6,5 км, разделявший обе дивизии. Уже по размеру отведенного участка можно понять, что большого значения бригаде не придавалось, поэтому она лишь в минимальной степени была усилена артиллерией. Предполагалось, что она вступит в бой только в тот момент, когда соседние дивизии прорвут фронт.

До конца июня 1917 года отдельные роты бригады постепенно сосредоточились в Язерне, где размещались ее штаб и штаб 1-го полка. Штаб 2-го полка был перемещен в Осташовцов. При инспектировании вновь констатировалось, что бригада недостаточно вооружена и имеет мало боеприпасов. Когда солдаты 1-го полка спросили, будут ли у них пулеметы, полковник Троянов ответил лаконично: «Будут, если захватите у противника». Несмотря на это, настроение личного состава было отличным. «Я был свидетелем необычайно бурного восторга», – писал Рудольф Медек после того, как наблюдал отправку своих друзей на фронт. Это было уникальное явление на восточном фронте в то время, так как командиры русских подразделений скорее опасались того, чтобы их люди не разбежались. Упадок боевого духа солдат проявился в бригаде, когда второй батальон 2-го чехословацкого полка, сформированный не из добровольцев, а из мобилизованных на Волыни чехов, отказался занять позиции на первой линии.

Дезорганизация и хаос проявились и на разных уровнях командования. Чехословацкие полки не получили ни от командования бригады, ни от командования корпусом, которому они были приданы, никаких конкретных инструкций об участии в готовящемся наступлении. В этой ситуации зародился план наступления, авторами которого были чешские поручики Станислав Чечек и Отокар Гусак. Гусак использовал хорошее знание местности со времен своей разведывательной деятельности на этом участке фронта. Взамен повсеместно применяемой шаблонной практики наступления несколькими шеренгами чешские командиры предпочли наступление малыми группами, которые самостоятельно проникали бы на неприятельские позиции, избегая мест, которые австро-венгерская артиллерия эффективно покрывала своим огнем. Они тщательно ознакомили с принципами наступления и отдельными задачами низшие подразделения, включая роты и взводы, командирам которых они были понятны и соответствовали их опыту и навыкам службы в разведывательных отрядах. Тогда это был совершенно новый тактический принцип, который позволял избежать больших потерь при наступлении пехоты, когда их немилосердно скашивал пулеметный огонь неприятеля. Этот оригинальный подход, определенная импровизация при шахматном способе наступления предполагали инициативу и определенную самостоятельность каждого наступающего солдата, возможность положиться друг на друга, одним словом – высокий боевой дух [10, s. 100].

С этой точки зрения Чехословацкая стрелковая бригада была элитным подразделением, лучшим на всем Юго-Западном фронте. Условием успешного прорыва было преодоление неприятельских заграждений. Так как в распоряжении

не было сильной артиллерии, то эту задачу должна была выполнить сама пехота. Это была очень опасная и рискованная задача, обычно сопровождавшаяся тяжелыми потерями солдат, которые ручными гранатами прокладывали проходы в неприятельских заграждениях. Каждая рота 1-го батальона первого полка должна была выделить 16 гранатников (следовательно, в батальоне, в котором было 4 роты, могло быть всего 64 добровольца на это задание) [3, s. 40], но в ротах перед наступлением вызвали 200 добровольцев, так что большинству поручик С. Чечек был вынужден отказать. В этой спонтанной храбрости проявлялась не некая врожденная воинственность солдат, а патриотизм и убеждение в том, что они бьются за свободу своего народа [10, s. 100].

Чехословацкой стрелковой бригадой при Зборове командовал полковник В. П. Троянов, первым стрелковым полком командовал подполковник Павловский (1 батальоном командовал С. Чечек, 2-м – Отокар Гусак, 3-м – Зденек Фиерлингер). Вторым стрелковым полком командовал подполковник Зембалевский (1 батальон – Радола Гайда, 2 батальон не участвовал в наступлении). Третьим стрелковым полком командовал полковник Мамонтов (1 батальон – Рудольф Вобратилек). Артиллерию возглавлял Й. И. Каргер, пулеметную роту – Войтех Лужа, ранеными занимались Владимир Херинг, Ондржей Библи и русские врачи Захаров и Элманович. Не только в тактической подготовке, но и собственно в наступлении высшее русское командование вообще не участвовало. В ходе наступления [10, s. 101] ярко проявили себя совершенно новые люди, бравшие на себя командование группами и взводами, командиры которых были выведены из строя.

1 июля 1917 года на фронте шириной в несколько десятков километров началась мощная артиллерийская подготовка, за которой последовали атаки пехоты. Чехословацкие подразделения должны были начать действовать 2 июля. Как вспоминают участники битвы, в 8–45 пошла в наступление соседняя справа 4-я финская дивизия [10, s. 102]. Через четверть часа выступили гранатометчики 1-го батальона первого полка во главе с ефрейтором Секаниной, а после его гибели – ефрейтором Мусилеком [3, s. 41]. К ним быстро присоединились отдельные роты пяти батальонов 1-го и 3-го чехословацких полков, а на левом фланге – 1-й батальон второго полка. Небольшие отряды прорывали отдельные оборонительные позиции, пока неприятельская артиллерия обстреливала покинутые окопы. Группы в 6–12 человек поражали своей ловкостью. Создавалось впечатление, что каждый солдат знал свое место и задачу, которую ему надлежало выполнить.

Чехословацким батальонам удалось сломить сопротивление неприятеля и на сильно укрепленной высоте Могила, после шестичасового боя бригада проникла вперед на глубину 3–5,5 км австро-венгерской обороны [10, s. 102].

Мировой общественности о битве при Зборове стало известно после сообщения российского верховного командования от 3 июля 1917 г., в котором, кроме прочего, говорилось: «Храбрые войска четвертой финской дивизии и чехословацкой бригады захватили сильно укрепленные неприятельские позиции на высотах западнее и юго-западнее от Зборова и овладели укрепленной деревней Коршилов, преодолев при этом три ряда вражеских окопов. Финская дивизия взяла в плен 1560 офицеров и солдат, 4 орудия, 9 пулеметов и 1 миномет. Чехословацкая бригада взяла в плен 62 офицера, 3150 солдат, 15 орудий и много винтовок [3, s. 44], большинство которых было обращено против неприятеля...». Таков был результат

атаки нескольких батальонов чехословацкой бригады: 3500 плохо вооруженных солдат добились самого яркого успеха в наступлении, в котором участвовали три армии [10, s. 103].

С выдающимся успехом при Зборове чехословацкую бригаду поздравлял сам Керенский. Главнокомандующий русской армией генерал Брусилов так оценил в беседе с Масариком зборовский успех: «Глубоко кланяюсь вашим воинам». Масарик отмечал, что при Зборове «наше войско впервые выступило как боевая единица. До этого времени оно выполняло на русском фронте разведывательные задачи. При Зборове оно выступило как боевое подразделение. Своей храбростью и дисциплинированностью солдаты снискали симпатии и восхищение русских, а также и неприятеля» [7, s. 57]. С неменьшим восхищением о чехословацких добровольцах говорил и английский писатель Сомерсет Моэм, который в то время находился в России [5, s. 29].

Успех, однако, не обошелся без потерь. При Зборове пали и пропали без вести 185 человек, около 800 было ранено [10, s. 103].

В период с июля по ноябрь 1917 года десятки эмиссаров Отделения ЧСНС в России вербовали пленных в полки. Идея создания чехословацкого государства в качестве ведущего мотива их деятельности сыграла позитивную роль, особенно если сравнить ее с царистскими планами Союза Людовита Штура [13, s. 13]. Поначалу эмиссары встречали среди словаков пассивность и равнодушие. Постепенно ситуация улучшилась, во многом благодаря выдающимся словацким деятелям (Й. Г. Тайовски, Я. Есенски), которые издавали множество листовок и призывов. До конца октября возникли 3, 4, 5, 6, 7 и 8-й стрелковые полки, 1-й запасной полк, два артиллерийских отряда, штабы обеих дивизий и штаб армейского корпуса. До лета 1917 года было 7000 воинов, к сентябрю – 22000 добровольцев, а осенью в чехословацкое войско вступили еще приблизительно 10000 пленных. Создание этого 40-тысячного Первого чехословацкого армейского корпуса представляло собой качественно новое явление, по сравнению с Дружиной, которая являлась составной частью русской армии.

М. Р. Штефаник и его миссия в Сибири

Уже в июле 1918 года была достигнута договоренность о проведении совместной миссии генералов Штефаника и Жанена, снаряженной совместными усилиями военного комитета Высшего военного совета, французского военного министерства и Чехословацкого национального совета. Целью объединенных сил было наладить «связь между Сибирью, которая стала их базой для отступления, и базами союзников на Северном море». Конечной целью акции являлось восстановление сообщения на всем протяжении Транссибирской магистрали и далее, чтобы «от Белого моря до Черного моря была создана по возможности густейшая сеть опорных пунктов, способных создать заслон от немецкой экспансии на восток». В инструкции от 15 августа 1918 года о задаче Штефаника говорится так: «Генерал Штефаник, вице-председатель Национального совета чешской земли, будет сопровождать генерала Жанена и будет при нем выполнять функцию заместителя главного командующего чехословацкой армии» [15, s. 209].

Штефаник завершил многие военно-политические переговоры, прежде всего с Масариком, но в том числе и с передовыми американскими деятелями по вопросам чехословацкого войска в Сибири [14, s. 71].

Позднее Штефаник выехал в Сан-Франциско, откуда через Корейское море добрался до Японии [15, s. 215]. Здесь он принял участие в нескольких переговорах, посредством которых пытался раздобыть информацию об актуальном положении в легионах. Еще до приезда Жанена он ходатайствовал об обещанной помощи чехословацкому войску, однако его старания имели довольно скромные результаты и ответственные лица не могли ему помочь в предоставлении требовавшейся информации.

Более подробные сведения Штефаник получил от политико-дипломатического представителя чехословацкого национального совета во Владивостоке В. Гирсы. Легионеры ожидали их с надеждой, что они прекратят участие солдат в гражданской войне и интервенции, в эпицентре которых они находились. Это подтверждает и телеграмма, которую послали Штефанику из Отделения Чехословацкого национального совета (ОЧСНС) в России. Ситуация в Сибири настолько осложнилась, что личное присутствие там Штефаника было крайне необходимо. Телеграмму отправили 24 октября, но ответил на нее Штефаник только 1 ноября, объяснив задержку ответом работой и болезнью [15, s. 221–223]. В Токио его здоровье резко ухудшилось, и Штефаник был вынужден прервать путешествие. Известие о провозглашении независимого Чехословацкого государства в Праге 28 октября и о возложении на него должности военного министра и назначении его первым генералом Штефаник получил будучи прикованным к постели [2, s. 58].

После переговоров с политическими и военными деятелями Японии о предоставлении материальной помощи войску Штефаник и Жанен продолжили путь в Россию. Японский корабль с ними и их сопровождающими на борту бросил якорь на пристани Владивостока около полуночи с 15 на 16 ноября 1918 г. [14, s. 70]. Утром по прибытии во Владивосток произошла их встреча с членами Отделения Чехословацкого национального совета. Первым вице-председателем ОЧСНС был Богдан Павлу. Среди других членов совета следует упомянуть также Патеядла, Рихтера, Гирсу, генерала Чечека и французского генерала Париса. Штефаник немедленно отправился к войску. Жанен остался пока во Владивостоке, где вел переговоры с тогдашним японским командованием по организационным вопросам, например, о поставках продовольствия и амуниции для войска.

По дороге на запад, вплоть до Екатеринбурга, Штефаника сопровождали Павлу, Рихтер и несколько французских офицеров и солдат, охранявших поезд, в котором он ехал. После довольно спокойного путешествия 20 ноября поезд на два дня остановился в Харбине, где Штефаник получил известие о военном перевороте адмирала Колчака в Омске [15, s. 244]. Среди чехословацкого руководства переворот вызвал серьезное беспокойство. Отделение ЧСНС для успокоения войска сделало заявление, в котором дистанцировалось от недемократического переворота. Однако этим заявлением Отделение вовсе не успокоило ситуацию, но, напротив, восстановило против себя представителей стран Антанты, которые знали о готовящемся перевороте и поддерживали Колчака. Штефаник не мог открыто объявить, что установление диктатуры было подготовлено в Версале. Он связался по телефону с Жаненом, который находился во Владивостоке и от которого узнал об ухудшении ситуации в войсках из-за переворота. Командующий корпусом генерал Я. Сыровы так информировал об этом Жанена: «Вследствие переворота ситуация на фронте сильно осложнилась. Чехословацкие войска сильно устали, и необходимо их сменить как можно скорее, тем более, что постоянные государ-

ственные перевороты в России не вызывают симпатии». В заключение он добавил: «Я не располагаю необходимыми силами, чтобы удерживать фронт и одновременно сохранять порядок в тылу». Жанен сообщил Штефанику, что он объяснил генералу Сыровы, что задержать войска в Сибири в интересах его родины, получившей независимость благодаря победе союзников над Германией [14, s. 72].

Штефаник понимал правомерность требования генерала Сыровы стянуть войска в тыл, но, с другой стороны, учитывал политику союзников, которые настаивали на том, чтобы Транссибирскую магистраль и город Омск обороняли вплоть до обещанного ими прихода. Штефаник с большим трудом мог смириться с фактом отступления чехословацкой армии. Он хотел попытаться предпринять хотя бы кратковременное наступление в западном направлении. Однако вскоре ему стало известно, что ситуация в войске гораздо серьезнее, чем он предполагал [8, s. 239]. Утром 22 ноября Штефаник оставил Харбин и продолжил путь через Маньчжурю до Читы и далее на запад. Известие о его приезде быстро распространилось среди солдат. Они верили, что именно он будет способен обеспечить их скорое возвращение на родину. Даже несмотря на плохое самочувствие, на протяжении всего пути до Екатеринбурга Штефаник принимал делегации офицеров и солдат, которым отвечал на различные вопросы. 28 ноября на иркутской станции подпоручик из делегации словацкого полка задал ему вопрос, который больше всего мучил солдат: «Почему мы еще воюем здесь, если мы получили то, за что боролись, то есть свое государство, тем более что союзники не приходят на помощь, а русские все тяготы войны с большевиками перекалдывают на нас? Наше войско страшно изнурилось и устало» [15, s. 245]. Штефаник ответил на его вопрос развернуто, обозначив шесть пунктов, которые в дальнейшем повторил в остальных полках. Во-первых: «Большевизм – есть анархизм... который... угрожает и нашему государству. Если в России ситуация не нормализуется, искры анархии долетят и до Чехии. А если разгорится пожар, то не следует ждать, пока огонь приблизится к нашим домам и поглотит их, но нужно гасить его вовремя. Наше государство молодое и после пятилетней войны нуждается в спокойном развитии, которое не может настать, пока не успокоится Россия». Во-вторых: «... Мы сегодня в числе союзников и должны считаться с общими интересами, задачами и целями». В-третьих, он подчеркивал: «Мы просили помощи для себя, и мы ее получили. Мы просили, чтобы союзники предоставили нам под своим боком достойное место, и нам было это предоставлено. Россия среди первых помогла нам организовать. Теперь нам выпала задача помочь России. Мы не можем отказать в помощи. Это было бы неблагодарным, не славянским жестом, и в конце концов, это просто непредусмотрительно, ибо мы заинтересованы в сильной возрожденной России. Мы будем несомненно в будущем нуждаться в ее помощи». В-четвертых: «Мы страдаем и терпим, нервы также на пределе, но именно этим терпением и страданием мы обязаны нашему государству. Без крови и страдания мир никогда бы не узнал о нас, наши испытания снискали нам симпатии всего мира и особенно союзников». В-пятых: «Военная честь нам не позволяет бросить оружие. Дело освобождения не окончено, но уже близится к концу. Честь родины нам приказывает, чтобы завершение революции было таким же честным и достойным, каким было его начало». И, наконец, в-шестых, «союзники нас не бросили. Было бы бессмысленным посылать целую дивизию

вокруг света через бесконечную Сибирь, когда они имеют доступ к Черному и Балтийскому морям. И союзники придут. Это вопрос недалекого будущего». Союзники действительно вмешались, и с юга, и с запада, и с севера [15, s. 255]. После того, как Штефаник расстался с делегацией офицеров он еще принял делегацию четырех словацких добровольцев и шестерых словацких пленных [14, s. 74].

5 декабря на станции в Челябинске Штефаник встретился с делегацией солдат первого полка, к которым он обратился со следующими словами: «Раз сегодня армия отступает, это значит, что у нее нет идеи. Я пришел, чтобы ее вам раскрыть. Я пришел к вам не как министр. Моя программа – путь домой. ... Союзники требуют, чтобы мы тут еще оставались. Это же нам говорит и наша честь. Мы должны вместе проявить упорство... Республика сегодня существует, однако, как она будет дальше жить, зависит от мирной конференции. ... Если мы потеряем уважение союзников, они не будут нас проклинать, но и не будут нас считать равными себе и утратят к нам интерес. А последствия? Мы бы имели государство, в котором не жили, а существовали». Такие аргументы Штефаник использовал во всех беседах, и в подобном духе была выдержана и его первая речь перед чехословацким войском 8 декабря в Екатеринбурге. Однако он был очень уставший, поэтому вместо него речь зачитал генерал Сыровы, который в конце выступления воскликнул: «Да здравствует министр национальной обороны генерал Штефаник!» Штефаник при себе имел и письмо президента Масарика, которое получил еще во Владивостоке. В письме говорилось о необходимости для войска оставаться в Сибири.

Ни эта речь, ни даже указание Масарика солдат не удовлетворили. Но Штефанику в самом начале удалось несколько стабилизировать положение в войсках и убедить часть полков принять участие в зимнем походе на Кунгур и Пермь. Некоторые полки участвовали в осаде Перми 25 декабря, и это явилось последним победоносным сражением чехословацкого войска в Сибири [15, s. 248].

В многочисленных беседах и на основе личного опыта Штефаник четко формулировал свои идеи, проекты и взгляды, которые касались войска и его пребывания в Сибири. Он информировал о них также правительство и президента. Текст телеграммы, которую он им отослал, представляет собой, по сути, аналитический документ о ситуации в чехословацком войске: «Чехословацкая армия истощена морально и физически. Но было бы несправедливо осуждать ее и не брать в расчет предпринятые ею усилия и достигнутые результаты. Армия организовалась наперекор безразличию или враждебности, в условиях разрухи. Движимая любовью к родине, она сражалась на просторах от Волги до Тихого океана и по требованию союзников снова пробила путь аж на Урал прежде, чем могла подоспеть помощь союзников; после пяти месяцев борьбы против врага в десять раз более сильного армия удерживала фронт длиной 1400 км, охраняя соединение 8000 км. ... Настоящая моральная депрессия является следствием непрерывных усилий и продолжительного нервного напряжения. Солдаты, которые вынуждены выдерживать сорокаградусные морозы в негостеприимном крае, отлученные от цивилизации, давящиеся уже 10 месяцев в товарных вагонах, полных насекомых, численно ослабленные болезнями и потерями в боях вплоть до недавнего момента под влиянием недостаточной стойкости русских солдат, удаленные от родной

земли, об освобождении которой они узнали и куда они стремятся, не воюют с былым энтузиазмом» [14, s. 77].

Штефаник, таким образом, скоро понял, что ситуация в войсках гораздо сложнее, чем он предполагал. Участились случаи непослушания и отказов вступать в бой. В декабре 1918 года Штефаник приступил к реформам в армии, которые должны были превратить существующую добровольческую армию в регулярную. 14 декабря Отделение ЧСНС было ликвидировано. Вместо него Штефаник учредил пять ведомств, которые подчинялись военному министерству: 1) политическое отделение во главе с Богданом Павлу; 2) военное управление под руководством подполковника Рудольфа Медека; 3) финансовое управление руководимое поручиком Франтишеком Шипом; 4) военную инспекцию, возглавляемая генералом В. Н. Шокоровым; 5) верховное контрольное отделение в ведении Вацлава Сухи. Полномочным представителем Чехословацкой республики в России 17 января он назначил Богдана Павлу. Штефаник учредил специальный орган управления «Особый корпус для России», который должен был решать все вопросы, касающиеся армии. Назначил туда Б. Павлу, командующего войском генерала Сыровы, подполковника Медека и В. Сухого. Наиболее радикальными решениями стали указ об уничтожении комитетов в войске и запрет на проведение военного съезда вопреки тому, что выборы делегатов уже прошли. Эти указы вызвали среди солдат неодобрение и не лучшим образом повлияли на единство чехословацкой армии [8, s. 240].

Некоторых членов ликвидированного ОЧСНС, которые, по его мнению, имели слишком радикальные взгляды, он направил на родину с миссией информировать правительство о состоянии войск. В составе этого посольства были Есенски, Давид, Яник, Полак, Патейдл и Мейснер. Между тем Штефаник 19–20 декабря лично встретился с Колчаком, чтобы разъяснить ему позицию чехословацкого войска. Совместно с Жаненом они стремились убедить Колчака, чтобы он принял решение Парижа и передал командование войсками генералам Жанену и Кноксу. Однако убедить Колчака не удалось. Его не устраивало, что русское войско будет подчиняться иностранному командованию.

Штефаник убедил Жанена, чтобы тот после получения командования посетил фронт и разобрался в сложившейся там обстановке. Штефаник должен был приехать за ним 26–27 декабря в Екатеринбург, где они вместе должны были принять участие в праздновании вручения знамени 1-му ударному батальону чехословацкого войска. Штефаник прибыл туда 29 декабря, однако из-за суровых зимних морозов праздник не состоялся. Его задержка была вызвана событиями в Омске. Там произошло убийство группы представителей меньшевиков и эсеров, которые после колчаковского переворота находились под охраной чехословацкого войска и лично генерала Сыровы. Об их спасении Штефаник два раза ходатайствовал перед Колчаком и угрожал ему, что пришлет на погребение жертв своего заместителя, чем дал понять, что с убийцами не имеет ничего общего. Вдовам убитых он выразил соболезнование, что не позволил это сделать никому из офицеров, хотя в убитых они видели представителей демократической России [15, s. 250–252].

Ситуация на фронте ухудшалась и чехословацкие полки отказывались сражаться, в чем имел возможность убедиться и Жанен. На переговорах со Штефаником он высказался за то, чтобы чехословацкое войско было переброшено с фронта в тыл. Жанен временно 1 января 1919 года вернулся в Омск, где обсуждал вопрос союзни-

ческого управления в Сибири. Штефаник остался пока в Екатеринбурге, где решил вышеупомянутый вопрос съезда чехословацкого войска. Там же он принял предложение представителя американского Красного креста о репатриации больных и раненых чехословацких солдат на родину, благодаря чему ему удалось эвакуировать около 5000 легионеров. 10 января Штефаник вернулся в Омск очень уставшим. Из-за предыдущих событий, плохого самочувствия и отсутствия вестей с родины он решил вернуться как можно скорее в Париж и сделать там все возможное для отправки войска домой. В последующие дни он принял еще участие в консультациях союзников об упорядочении управления Сибирью [14, s. 81].

Стремление Штефаника реорганизовать войско добровольцев в регулярную армию независимого государства по французскому образцу вызвало большое беспокойство и возмущение. Почти 3000 солдат после провозглашения указа отошло от войска и перешло на сторону сибирских партизан, а несколько малочисленных групп даже поселилось в таежных деревнях и городах, поблизости от магистрали. В полках возникали коммунистические ячейки, которые сотрудничали с большевистскими организациями. Жесткие репрессии к таким легионерам со стороны военного командования были малоэффективны.

Сохранилось большое количество архивных и мемуарных материалов, которые доказывают, что не существовало ничего, что могло бы убедить чехословацкое войско и дальше единодушно сражаться против Красной армии. Штефанику это при всех его стараниях сделать не удалось [15, s. 257–258].

Сибирская миссия Рагислава Штефаника завершилась его возвращением во Францию. Несмотря на очень плохое самочувствие, он стремился нейтрализовать обострившуюся ситуацию в легионе, поддержать психологически и морально разложившееся войско, которое оказалось в непростой политической обстановке. Стремление убедить солдат в необходимости продолжать войну сменилось в убеждение вывести легионы из Сибири.

Как уже упоминалось, усиление и переход в наступление Красной армии, возникновение ЧСР и массовая партизанская война, которая началась весной 1919 года, стали главными источниками беспокойства и нежелания солдат чехословацкого корпуса продолжать войну. С конца января до мая 1919 года их постепенно переместили с фронта на охрану Транссибирской магистрали. В этой военно-политической организации постепенно возобладало убеждение о тщетности попыток помочь России в ее внутренних проблемах. С середины 1919 года вся деятельность корпуса уполномоченных сосредоточилась на поисках возможностей для эвакуации армии во Владивосток и далее в Чехословакию. Уход легионеров ускорил заключение перемирия с Россией (советами) 8 февраля 1920 года. Однако история легиона и легионеров с их отбытием на родину не закончилась.

Библиография

1. Čechoslovák. 17. VII. 1917 a 15. IX. 1917.
2. Čechoslovák. 27. VIII. 1917.
3. John M. M. R. Štefánik. Olomouc, 2000. S. 58.
4. Galandauer J. Bitva u Zborova. Praha: Havran, 2002.
5. Klevanskij A. Ch. Českoslovenští internacionalisté a legionářský sbor v Rusku. Praha: Horizont, 1973.
6. Křížek J. Nemci, Lenin a československé legie. Praha: Vyšehrad, 1997.

7. *Markovič I.* Slováci v zahraničnej revolúcii. Praha: Nákladom pamätníka odboja, 1923.
8. *Papoušek J.* Zborov. Praha, 1921.
9. *Pichlík K.* Českoslovenští legionáři (1914–1920). Praha, 1996.
10. *Pichlík K.* Zahraniční odboj 1914–1918 bez legend. Praha: Svoboda, 1968.
11. *Pichlík K.* – *Klípa B.* – *Zabloudilová J.* Českoslovenští legionáři. Praha: Mladá fronta, 1996.
12. *Pichlík K.* – *Vávra V.* – *Křížek J.* Černobíla a rudá. Praha: Naše vojsko, 1967.
13. *Sidor K.* Slováci v zahraničnom odboji. Bratislava, 1928. S. 76; *Kvasnička J.* Československé légie v Rusku 1917–1920. Bratislava, 1963. S. 22; *Gosiorovský M.* K predstavám zahraničných Slovákov a Čechov o štátoprávnem postavení Slovenska po vojne 1914–1918. In: Zborník FF UK Historica, r. 19., 1968.
14. *Štvrtecký Š.* Generál dr. Milan Rastislav Štefánik na Sibíri a česko-slovenské légie. In: *Hronský M.* Generál dr. Milan Rastislav Štefánik – vojak a diplomat. Bratislava, 1999. S. 71.
15. *Štvrtecký Š.* Náš M. R. Štefánik. Bratislava, 1990. S. 209.

M. Danish

THE PARTICIPATION OF SLOVAKS IN THE CZECHOSLOVAK LEGIONS OF THE FIRST WORLD WAR

On the basis of official documents and memoirs of participants of events shows the role of Slovaks in the formation of the Czechoslovak volunteer army and its efforts to help Russia and the Entente Allies in the final stages of First World War. Particular attention is paid to the participation of the Czechoslovak Brigade at the Battle of Zborov and Siberian mission Slovak General R. Štefánek.

Keywords: Czechoslovak Legion, Department of the Czechoslovak National Council in Russia, Czechoslovak Brigade, the Battle of Zborov, R. Štefánek.